

UDC 94(47) 2-274:279.99Т

АГАРИН Е.В.

Нижегородский государственный университет имени Н.И.Лобачевского (Россия)

Л.Н.ТОЛСТОЙ И ТОЛСТОВСТВО В КРИТИКЕ ПОСЛЕДОВАТЕЛЕЙ

В работе рассматриваются основные направления критики мировоззренческой концепции Л.Н.Толстого его последователями: общая отвлеченность и нечеткость толстовских идеалов, узость рационализма религиозных воззрений, неверность отдельных философских принципов толстовства, непоследовательность самого мыслителя в воплощении социального компонента своего учения, неэффективность альтернативного, основанного на концепции непротивления злу насилием, толстовского способа изменения общества путем нравственного развития его представителей.

AGARINE.V.

Nizhny Novgorod State University named after Lobachevsky (Russia)

LEO TOLSTOY AND TOLSTOYISM IN DISCIPLES' CRITICISM

The article is aimed at presenting and analyzing main criticism directions of Tolstoyism by its disciples. The idea of moral self-improvement is considered as the central principle, uniting all Tolstoyans; existence among them of two various its interpretations causes the logical division of Tolstoyism's criticism into religious and social aspects. Due to the specifics of Tolstoyism and the Tolstoyan movement, such category as "former tolstoyans" can't be distinguished, therefore the opinions of all the people, who had ever been Tolstoy's followers are presented. Within the criticism of the religious concept Tolstoyans paid attention to the abstractness of Tolstoyism ideals which generated, on the one hand, compromises with convictions, and on the other hand, problems with a choice of the lifestyle in accordance to them. Tolstoyans noticed the narrowness of religious rationalism of Tolstoyism which could not always satisfy their religious requirements. Moreover, Tolstoyans' opinions on the particular philosophical principles of Tolstoyism are presented in the article: concept of the evil, vegetarianism, negation of sexual life. Author specifies, that Tolstoyans, as well as outside observers, criticized Tolstoy's inconsistency in carrying out his social ideas: sometimes the disappointment in L.Tolstoy's person turned into the loss of faith in the Tolstoyism principles feasibility and into their gradual denial. The concept of the society transformation by moral improvement of its certain members was the main object of the Tolstoyan movement criticism in terms of social aspect: Tolstoyans not only noted its impossibility, but also stressed their dissatisfaction with the passive struggle for social justice. Tolstoyan social program was closely related to the non-resistance to evil principle which frequently became the object of social ideas criticism. Prince Mikhail Khilkov, who after the Tolstoyism was seized by revolutionary ideas and then returned to Orthodoxy, paid considerable attention to the question of nonresistance. In different periods of his life he pointed at the reactionism and harmfulness of the Tolstoyans' social ideas, at theoretical invalidity and practical inapplicability of non-resistance doctrine. The author notes that the scheme for the main criticism directions of Tolstoyism by its disciples stated in this work could be enlarged and extended in future.

АГАРИН Ю.В.

Нижньогородський державний університет імені М.І.Лобачевського (Росія)

Л.М.ТОЛСТОЙ І ТОЛСТОВСТВО В КРИТИЦІ ПОСЛІДОВНИКІВ

Розглядаються головні напрями критики світоглядної концепції Л.М.Толстого його послідовників: загальна абстрактність і нечіткість толстовських ідеалів,

вузькість раціоналізму релігійних бачень, невірність окремих філософських принципів толстовства, непослідовність самого мислителя у втіленні соціального компоненту свого навчання, неефективність альтернативного, заснованого на концепції непротиву злу насиллям, толстовського засобу зміни суспільства шляхом морального розвитку його адептів.

Среди явлений русской истории, интерес к которым вновь пробудился в постсоветское время, не последнее место занимают Л.Н.Толстой и толстовцы. Толстовское *“целостное философско-нравственное учение, которое отечественная наука начинает как бы заново познавать”* [54, с.142] и неразрывно связанное с ним, так называемое *“толстовское движение”* вновь оказались в поле внимания исследователей, о чем красноречиво может свидетельствовать ряд новейших работ, затрагивающих те или иные стороны проблемы [2; 4; 6; 11; 12; 31; 37; 56; 57].

Эксцентричность, почти провокационность убеждений и жизни толстовцев при их относительной немногочисленности обусловили предлагаемый в данной работе аспект рассмотрения толстовства, которая является попыткой взглянуть на движение изнутри, глазами его отдельных участников. Несмотря на вполне естественную тенденциозность и преобладающую обличительность по отношению к толстовским идеям особенно среди их уже *“бывших”* последователей, именно эта субъективность позволяет отметить те специфические грани толстовства, которые посторонним наблюдателям представлялись в ином, объективизированном свете либо вовсе ускользали от их внимания.

Вместе с тем постановка проблемы требует некоторых предварительных замечаний и уточнений относительно специфики самого толстовства. Последние 30 лет жизни Л.Н.Толстой посвятил созданию и проработке своего религиозно-философского учения, основными принципами которого стали собственная этическая, рационалистическая интерпретация христианства, не признающая институты церкви, государства, социального неравенства и земельной собственности; *“непротивление злу насиллем”*, т.е. радикальный отказ от применения насилия в любых его формах; отрицание самого капиталистического устройства обществ, основанного на принципе разделения труда и, следовательно, призыв к опрощению и к трудовой, земледельческой жизни из нравственных побуждений и др. [50]. Этот период жизни Толстого сопровождался появлением в его жизни последователей, единомышленников и сочувствующих его учению лиц. Но *“толстовское движение”* не было чем-то единым; по образу мысли и по стилю жизни толстовцы сильно отличались друг от друга, это было очевидно и самим толстовцам. Последователь Л.Н.Толстого М.В.Алехин выделил среди толстовцев *“теоретиков”* – замкнутую группу, не вполне опростившуюся и не желающую двигаться вперед, *“проникнутую буквой писаний Толстого и оберегающую эту букву”*, и *“активистов”*, охваченных духом народничества, сменивших жизнь интеллигента на жизнь крестьянина, создававших земледельческие коммуны или становившихся бродягами [39, л.31-32]. Несмотря на некоторую условность и относительность этого разделения, оно коренилось и в самом толстовском мировоззрении; другой толстовец В.В.Рахманов отмечал: *“в Толстом совмещается вместе, с одной стороны, народник и политический мыслитель с оттенком анархизма, и, с другой стороны, философ-моралист, отыскивающий пути для новой, очищенной от всех суеверий религии”* [36, с.11]. Аналогичную мысль высказал при помощи красивой метафоры и писатель И.Ф.Наживин, также увлекавшийся толстовством: *“в Толстом есть два Толстых: один – Мария, избравшая “единое на потребу”, – давший необыкновенный синтез всей гигантской религиозной работы человечества, другой – Марфа, пекущаяся о многом,*

Толстой-борец, Толстой-джорджист, Толстой-анархист” [15, с.17-18]. Соответственно этой двуликости естественным образом распадаются и рассматриваемые в данной работе суждения толстовцев о толстовстве – так или иначе темами их критики становятся либо сами религиозно-философские принципы толстовства, либо его социальная программа, основанная на этих принципах. Это естественное деление заложено в структуру нашей работы.

Разительные отличия толстовцев друг от друга порождают вполне закономерные сомнения в существовании какой-либо общей основы в их мировоззрении, однако такая основа может быть обозначена следующим образом. Центральным принципом, который объединяет *“Марию и Марфу”* толстовского мировоззрения и соответственно толстовцев-*“теоретиков”* и толстовцев-*“активистов”* в условное *“толстовское движение”*, является учение о первостепенной важности самосовершенствования (нравственного развития, духовного освобождения и др.) каждого, отдельного человека для оздоровления всех сторон жизни человеческого общества. *“Забота о личном и общем нашем совершенствовании – будет стоять у нас на первом плане, как одна из главных основных задач нашей жизни”* [45, л.10об.], – говорилось в декларативном документе толстовской общины на хуторе Ржевск Воронежской губернии. Идея самосовершенствования, с одной стороны, может быть рассмотрена в качестве исторической особенности толстовства как мировоззрения, явившегося продуктом эпохи социально-политической реакции [8, с.59; 9, с.178-191], а с другой стороны, указывает на его генетическую связь с настроениями, впервые возникшими в недрах народничества [33, с.45-78] и с идеалами так называемого *“коммунитарного движения”* [5]. Благодаря своей неконкретности и неоднозначности идея самосовершенствования вмещала в себя и *“философскую”*, абстрактную интерпретацию, не требовавшую от ее сторонника коренного изменения образа жизни, и *“народническую”*, буквально призывавшую *“оставь все и следуй за мной”* [3, с.94]. Существование же общей солидарности придает этой идее объединяющий статус в рамках *“толстовского движения”*. Аналогичным образом рассматривается цель толстовства и современными толстовцами – *“толстовское движение призвано помогать индивиду исполнять свой основной долг перед обществом – самосовершенствоваться в этом смысле со дня рождения до смерти”* [49, с.6].

Нам представляется любопытным, что при всей вышеописанной значимости идея самосовершенствования крайне редко становилась объектом критики со стороны толстовцев, что является отличием от посторонних наблюдателей – например, советские антирелигиозники Е.Ярославский [55], Ф.Путинцев [34; 35], Б.Ольховой [29], Д.Засловский [7] положили разоблачение стремления к самосовершенствованию в основу своей критики толстовства. Единственным известным нам исключением являются комментарии молодого толстовца Ильи Петровича Яркова, которые нам кажется логичным привести здесь же. *“По-моему – самосовершенствование – совершенно не нужно. Эти мучительные потуги могут быть еще светлее, несмотря на то, что человек и так светел, это гордое желание отгородиться от окружающей жизни, стать выше ее... Самосовершенствование мешает жизни. Мешает проникновению в жизнь радости”* [22, л.7]. По его мнению, ошибка коренится в самой толстовской интерпретации идеи самосовершенствования, так как между толстовским *“старайтесь быть совершенным”* и христианским *“будьте совершенны”* есть существенная разница [22, л.7об.]. Едва ли отсутствие аналогичных мнений среди критических суждений говорит о невнимательности толстовцев. Нам кажется возможным с большой осторожностью предположить, что этот толстовский принцип оставался близким даже уже бывшим последователям Л.Н.Толстого; поэтому в

некотором роде и сам толстовец продолжал быть таковым намного дольше, даже несмотря на свой *“официальный разрыв”* с толстовством и обретение новой веры или партийности. По этой причине и теоретически, и практически сложно четко провести грань, после перехода которой того или иного человека можно назвать уже *“бывшим толстовцем”*. Это сложно и в связи с другой, нижеследующей особенностью самого толстовства.

Один из самых близких толстовцев, рассуждая о семейной драме мыслителя, отметил, что ученики Л.Н.Толстого могли бы своей любовью и преданностью заменить ему 40 000 жен [32, с.394]. Несмотря на это, сам Толстой держался от своих последователей несколько в стороне, а его близкие отношения с единомышленниками, в судьбах многих из которых он принял живейшее участие, имели исключительно личную, а не мировоззренческую либо идеологическую основу. Эта дистанция, кроме прочего, объяснялась и тем, что само толстовство предполагало определенное свободомыслие и рационализм в выработке своих убеждений и в проведении их в личной жизни. Многие толстовцы, *“индивидуалисты в лучшем смысле этого слова”* [30, л.7], в отличие от своих карикатурных изображений [33, с.79-85] придерживались скорее своих собственных принципов, чем догматически следовали учению Л.Н.Толстого. Нередко отмечалось, что толстовцы, несмотря на влияние Л.Н.Толстого, к соответствующим убеждениям приходили самостоятельно – например, дочь одного из первых толстовцев Н.Л.Озмиздова писала так: *“влияние Льва Николаевича на моего отца было велико, но те дорожки, по которым он дошел до своего взгляда на жизнь, эти дорожки так и остались у него самостоятельными”* [19, л.2]. Заявления толстовцев в роде того, что *“он вовсе не “толстовец”, что и говорить о “каком-то толстовстве” смешно, потому что никакого “толстовства” не существует и т.д.”* секретарь Толстого и его единомышленник В.Ф.Булгаков называет *“довольно обычными”* [1, с.287]. Благодаря этому свободомыслию критика толстовца по отношению к тем или иным принципам своего *“учителя”*, с одной стороны, проявлялась очень рано, а с другой стороны – не всегда оканчивалась окончательным отказом от толстовских убеждений. Ввиду этой специфики и обозначенной выше невозможности выделить группу *“бывших толстовцев”* в поле нашего внимания будут находиться критические суждения о толстовстве не только лиц, которые разделяли идеи Толстого прежде своего скептического к ним отношения, но и тех толстовцев, кто, несмотря на свою критику, оставался им по-прежнему преданным.

Предметом критики иногда становилась обозначенная выше абсолютность, неоднозначность толстовских идеалов в целом, отсутствие определенных практических путей их достижения. Секретарь и последователь Толстого В.Ф.Булгаков, критикуя явление *“чертковщины”*, отмечал, что среди толстовцев *“прочно и неотторжимо привился взгляд, что идеалы – одно, а жизнь – другое”* [1, с.308]; в результате этой особенности многие толстовцы лишь продолжали вести удобный для себя образ жизни, превращая ее в постоянный компромисс со своими убеждениями. *“Я видел и других “толстовцев” – таких же, как Чертков, помещиков и богачей. Видел “толстовца” – знаменитого музыканта, проживавшего в королевской квартире. ... Видел “толстовца” – владельца крупной мануфактурной фабрики, “толстовца” – директора банка. Слышал, наконец, о “толстовцах” – вице-губернаторе, члене окружного суда и т.д.”* [1, с.309], – вспоминает далее В.Ф.Булгаков. Но если с одной стороны, в толстовской среде имели место *“злоупотребления теорией “недостижимого идеала”* [1, с.309], на что обращали внимание и посторонние наблюдатели; то для некоторых других толстовцев эта свобода выбора становилась и тяжелым бременем. Эту мысль хорошо выразила уже в 1891 г. одна участница толстовской колонии: *“В этом и вся мука*

жизни “толстовца”, что для него слишком ясен и прост идеал жизни и слишком труден путь к нему. Не материальные лишения, связанные с жизнью “трусами рук своих” (рук неумелых), гнетут “толстовца”, а именно та двойственность, которая существует между высотой его чувств и низостью его поступков” [48, с.1505].

В рамках критики религиозных воззрений толстовства повышенное внимание, как правило, уделялось его рационализму, ярко проявлявшемуся в непризнании мистической стороны христианства. Толстой и толстовцы отрицали божественность Христа, необходимость посредничества священников между богом и человеком, таинства и обряды, возможность персонифицированной загробной жизни, а бог воспринимался ими лишь как дух, частица которого – душа – едина во всех живых существах [27; 50]. Это отмечалось не только религиозными мыслителями, рассматривавшими толстовство лишь как “суррогат религии” [52, с.404], но и самими толстовцами. Один из деятельных толстовцев, организатор коммуны Дугино в Тверской губернии М.А.Новоселов, который еще в свои “толстовские” годы не соглашался с Толстым в его отрицании божественности Христа, после своего возвращения к православию дал согласие в июне 1901 г. на публикацию своего письма к бывшему учителю по поводу ответа Толстого на отлучение его от церкви. “Корректное по форме, оно поражает убожеством содержания” [40, л.11], – охарактеризует это послание Андрей Буткевич. В этом письме Новоселов вынес свой “приговор” религиозным идеям Толстого: “истина познается не логическими рассуждениями, а всею целостью нашего нравственного существа ... вы мало разумеете, что вера ... есть нечто более глубокое, сильное и действенное, чем обычный акт сознания или некоторая идейная настроенность” [28, с.831]. Это суждение является скорее типичным для православного критика толстовства, однако любопытно замечание Новоселова о том, что центральными пунктами христианства являются как раз “само Богочеловечество” и живое [28, с.829], ощущаемое общение с богом, которые Толстой отрицал. Если в русле сухой, догматичной критики толстовства это замечание представляется второстепенным, то в контексте жизненного опыта других толстовцев оно приобретает совершенно иной смысл. По-видимому, толстовство действительно не могло в полной мере удовлетворить религиозные потребности некоторых своих приверженцев, по крайней мере, рационализм толстовской веры нередко становился для них невыносимо тесным при потрясениях, вызванных, например, смертью близких людей. Один из близких знакомых Л.Н.Толстого М.В.Булыгин объяснил свой отход от толстовства следующим образом: “За год до смерти Л.Н. [Толстого] в начале 1909 года (1 февраля) скончалась А.М. [Анна Максимовна – жена М.В. Булыгина]. ... Не найдя утешения в понимании христианского учения Л.Н. и обратно найдя его в молитве Церкви Православной и в учении об общении души живых и умерших, так же как и в учении Церкви о загробном бытии. ... Не умом, а сердцем я нашел отраду и утешение, даваемое людям учением Церкви, с которой я с этого времени все ближе и ближе стал связываться, пока как блудный сын не вернулся окончательно в ее ограду” [18, л.4-4об.]. Со сходной драмы начался постепенный отказ от толстовских идей у другого толстовца – писателя И.Ф.Наживина, который тяжело переживал раннюю смерть в 1910 г. своей первой дочери Марии (Мируши). “Удар был настолько сокрушителен, что свалил все мои верования. Беседы с Львом Николаевичем на эти невыносимые темы не разъясняли ничего и не успокаивали боли. Огромная храмина теархии – т.е. религиозного анархизма, в которой я мечтал объединить все человечество в одну братскую семью, вся покрылась зловеющими трещинами” [44, л.19], – писал Наживин в автобиографии. Посетивший его в 1912 г. толстовец В.Ф.Булгаков точно заметил: “Он весь превратился на долгое время в какой-то единый, воплощенный протест против

жестокости устройства жизни” [46, л.131об.]. Его разочарование в толстовстве, проявившееся уже прежде [51, с.48-49], в связи с этим событием заметно усилилось. “Моя новая религия не удовлетворяла меня. Я начал искать более тесного общения с Богом и не находил его; Бог оставался для меня какой-то прекрасной, но туманной абстракцией”, – отмечает Наживин в своей “Исповеди” 1912 г.: “этого тепла, этой проникающей всю жизнь ясности, вызываемой чувством близости Бога, и не было ни у меня, ни у моих “единомышленников”. Все мы были люди надорванные, мученики неосуществимых, для нас неосуществимых, религиозных идей” [15, с.197, 199]. Благодаря своему остроумию, резкой саркастичности, поистине “толстовской” правдивости и искренности И.Ф.Наживин оставил чрезвычайно много метких, разоблачительных комментариев в адрес не только революционеров и правительства, но и толстовцев; эти суждения мы вынуждены оставить вне поля внимания данной работы. Сходную драму, окончившуюся также возвращением к православию, пережил в конце жизни другой увлекавшийся толстовством человек – князь Д.А.Хилков, две дочери которого покончили с собой; его критика толстовства будет рассмотрена ниже. Для полноты картины приведем здесь и альтернативное мнение насчет толстовского рационализма, который другим толстовцам мог представляться и неполным. Его высказал Е.И.Попов, основываясь на том, что Толстой не отрицал полностью молитву: “Вопрос о Боге был единственный, на котором мы не сходились с Л.Н., почти до конца его жизни. ... Так я не мог допустить понятия, что Бог есть существо Личное, допускающее обращение к себе как к человеку и личности. Л.Н. же допускал это, признавая такое обращение возможным по свойства человеческого разума” [41, л.104-104об].

Критические суждения вызывали и отдельные толстовские принципы. Например, в годы описанной выше драмы И.Ф.Наживин пришел к выводу о невозможности и бессмысленности вегетарианства. “Вегетарианцем может считать себя только тот, кто получает продукты питания не непосредственно от природы, а из вторых рук. Если же добывать овощи, мед, фрукты, яйца, молоко самому, то очень скоро увидишь, что ни о каком безубойном питании и речи быть не может. ... Если хочешь получить что-нибудь от земли, то необходимо постоянно вооруженной рукой отбиваться от всевозможных “врагов” твоего труда или жить в такой местности, где, как в Англии, большинство этих врагов уже уничтожено” [16, с.92]. Или, например, А.М.Бодянский, будучи уже баптистом, высказывал интересные рассуждения насчет зла, самостоятельное существование которого отрицается в толстовстве: “никакими человеческими усилиями не может быть не только уничтожено зло в общей жизни, но даже сколько-нибудь уменьшено. ... Присутствие зла в мире так же необходимо, как материал для роста добра в жизни в мире. Не было бы зла, не было бы жизни и самого мира” [20, л.2]. Довольно много споров в толстовских кругах вызывал вопрос о половой жизни, впервые поднятый в начале 1890-х годов в связи с появлением “Крейцеровой сонаты” Л.Н.Толстого [36, с.18]. Сам мыслитель видел идеал в полном целомудрии, рассматривая брак как компромисс, который, естественно, значительно лучше, чем жизнь в разврате. С толстовским идеалом целомудрия не соглашались многие из толстовцев. Довольно точно свое несогласие сформулировал, по нашему мнению, В.Ф.Булгаков: “половая жизнь не является чем-то грязным, скверным, порочным и не только не заслуживает огульного осуждения и презрения, а наоборот, представляет великую зиждательную силу, дарованную человеку Богом и природой”; половое влечение и акт “не выдуманы человеком, а даны самой Природой; отвратительным, нечистым может быть только что-то неестественное” [1, с.179-180]. Критика идеала целомудрия вполне логично связана с сомнениями в том, что человек исключительно духовное существо, как он рассматривался в религиозной концепции толстовства, и со

стремлением реабилитировать материальный аспект жизни, которому Толстой и последователи отводили подчиненное по отношению к духовному положение. *“Учение Л.Н.Толстого недооценивает значения материальной стороны жизни”*, – пишет старик-толстовец П.И.Чернов, – *“... я вынужден был признать в человеке рядом с его душой законность другой ипостаси – тела”* [47, л.31]. В этом пункте критика отвлеченных религиозно-философских идей толстовства постепенно переходит в критику социальной программы толстовства, имевшей дело непосредственно с окружавшим толстовцев материальным миром.

По нашему мнению, в этой части сначала логично остановиться на восприятии толстовцами фигуры самого Л.Н.Толстого, социальная жизнь которого, по мнению многих из них, шла вопреки убеждениям. На заре толстовского движения на землю многие его участники призывали Толстого последовать их примеру, считая себя более последовательными, чем мыслитель. *“Все мы, молодежь, собиравшаяся сесть на землю, очень волновались тогда тем, что сам Толстой и некоторые близкие к нему люди, разделявшие его учение, не осуществляют его в жизни”* [26, л.40], – вспоминает А.С.Буткевич. Уже упомянутый М.А.Новоселов в письме 1 марта 1887 г. убеждает Толстого изменить образ жизни в интересах также и самих толстовцев: *“Лев Николаевич! Дорогой, незабвенный наш! Зачем, скажите, зачем Вы остановились на полдороге в своем великоленном шествии за Христом? ... Выбросьте из своей жизни то, что дает право людям упрекать Вас, оскорблять нас (ибо они хулят нас) и безжалостно гасить огонь, который Вы раздули спустя почти 2000 лет после его зажжения”* [32, с.391]. По воспоминаниям В.М.Величкиной этот же вопрос становился яблоком раздора между Толстым и толстовцами и впоследствии, во время помощи голодающему населению [3, с.94]. По-видимому, эти *“недостатки”* мыслителя иногда переносились толстовцами на толстовство как таковое. Для П.В.Великанова разочарование в Л.Н.Толстом окончилось, судя по довольно путаным воспоминаниям, разочарованием в истинности толстовского мировоззрения: *“Убедился я всем моим существом, что Л.Н. был учеником Христа и имел свет Его, но не имел жара и огня Его любви. ... Л.Н., несомненно, лучший человек христианской культуры 19 века, в 32 года своей борьбы со своей природой не смог одолеть то, из-за чего происходят судьбища и войны. ... Этот факт ясно показывает, что душа наша не христианка, а злая, падшая”* [23, л.1,6].

Критика социального аспекта толстовства отличается значительно меньшей разрозненностью направлений. Так или иначе, она преимущественно была направлена против принципа преобразования общества путем нравственного перерождения его отдельных представителей, который, предполагая отказ от насилия или организованной общественной помощи, включал в себя только пропаганду личным примером и распространение толстовской истины словом. *“Как единичные отказы от военной повинности бессильны уничтожить войну, так появление единичных подвижников и святых, вроде Франциска Ассизского или Тихона Задонского, бессильно переродить нравственно человечество”*, – пишет в воспоминаниях А.С.Буткевич, добавляя при этом: *“Нравственное перерождение не исключается: оно пойдет параллельно с изменением внешних условий”* [26, л.46-48]. Эмоциональная неудовлетворенность пассивной и неполной программой преобразования общества, теснейшим образом связанной с толстовской философией непротивления злу насилием, хорошо выразилась в письме П.Ф.Безверхова: *“Откровенно скажу Вам, что я иногда завидую активным борцам против зла: в сравнении с нами, кровь их живее течет в жилах и как будто бедствия людей на них действуют больней, чем на нас, “толстовцев”* [42, л.4]. Сходное признание сделал толстовец К.П.Злинченко, увлекшийся революционными идеями: *“толстовское учение со всеми его непротивленскими средствами борьбы, показалось*

мне бледным, безжизненным, нереволуционным” [38, л.76]. Вполне естественно, что подобное настроение усиливалось в годы революционных подъемов, когда некоторые из толстовцев колебались между непотворением и более активной борьбой за социальную справедливость. О таком состоянии двух своих друзей А.К.Раковича и М.П.Кожушко, сочувствовавших толстовству, рассказывает Т.С.Дудченко в письме Толстому 16 ноября 1906 г.: *“Они пространно и ясно высказываются, что измениться к лучшему жизнь людей может только при условии религиозного их подъема, но Крестьянский Союз [партии эсеров] они считают желательным, необходимым и облачают его в какую-то особую непонятную мне форму”* [43, л.2об.-3].

Среди тех, кто на рубеже XIX-XX вв. отказался от толстовства в пользу революционных идеалов, отдельно стоит выделить князя Д.А.Хилкова, прошедшего долгий путь последовательного увлечения самобытным народничеством, толстовством, анархизмом, революционным социализмом и возвратившегося в конце жизни к православию. На его незаурядную фигуру с многогранной, исполненной трагизма судьбой исследователи уже неоднократно обращали свое внимание [10; 13; 17]. Мы же отметим, что, страстно увлекаясь в свое время толстовством и, впоследствии, будучи вдумчивым и остроумным его критиком, Хилков в разные периоды жизни оставил много любопытных суждений о недостатках толстовского мировоззрения, главным образом, в его социальном компоненте.

В годы своего вынужденного пребывания за границей и увлечения революционными идеалами он разделял мнение русских революционеров-эмигрантов о реакционности толстовства. Считая толстовское мировоззрение (в данном случае своего знакомого А.М.Бодянского) *“косвенным оправданием и косвенной защитой существующего порядка вещей”* [25, л.18об], Хилков высказывал в 1902 г. В.Д.Бонч-Бруевичу мысль о близости правительства и толстовцев: *“С полицейской точки зрения правительство еще горько пожалеет о том, что не устроило из толстовства клапана спасительного. ... Чтобы властвовать, надо разделять – давно известно. Из толстовства можно было бы клин устроить”* [25, л.6]. Интересно, что подобную же мысль высказывал в письме К.П.Победоносцеву толстовец И.М.Трегубов [24]. Полусаркастически называя толстовцев *“божьими коровками”*, Д.А.Хилков утверждал, что *“большую часть зла в мир внесли именно такие люди”* [25, л.3], подразумевая их отказ бороться за улучшение общественного устройства. Впрочем, из-за самой неполноценности толстовской идеологии, имеющей, по мнению Хилкова, только отрицательную сторону – критику действительности, отказ толстовцев от насилия является *“недомыслием или сознательным закрыванием глаз”*, так как *“всякое отрицание существующего, когда это отрицание проповедуется всем, необходимо ведет к насилию, как бы проповедники его не отрицали”* – и этим своим разрушительным воздействием на существующий социальный строй толстовство искупает свою вину [25, л.14об.-15]. С годами тональность суждений Д.А.Хилкова о толстовских идеалах меняется – теряя свою социально-политическую остроту, они приобретают скорее религиозно-философское направление. Ввиду отказа Хилкова от социалистических идеалов и возвращения к православию антитолстовская апология революционного насилия заменяется апологией войны с сохранением критики идеи непотворения злу насилием. На запрос об отказах от военной службы К.С.Шохор-Троцкого Хилков в письме 7 марта 1912 г. дал взвешенную отповедь: *“Я никогда отказов от воинской повинности не поддерживал. Пройдя сам через такое “искушение” во время войны, я считаю отказ от в.п. слабостью духовной. ... Когда отказ от воинской повинности не сопровождается отказом от всего того, что подобно воинской повинности, то отказ от воинской повинности ... есть дело не христианское. А так как оно вызывает*

самомнение и отделение человека от “грешных”, то оно еще и вредно” [21, л.2]. В опубликованных письмах Д.А.Хилкова последних лет его жизни встречаются и пространные суждения о непротивлении. В целом свое несогласие с Толстым он констатировал следующим образом: “может или не может человек ощущать в своем сердце, как заповедь Бога, как веление Бога, призыв к употреблению насилия? Да или нет? Вот в этом мое коренное разделение с Л.Н. Я отвечаю: “да, может”. Он говорит: “нет, не может” [53, с.14]. В этих последних письмах всё больше сквозит совершенно нетолстовское разочарование в людях и пессимистический взгляд в будущее, что, впрочем, может объясняться и выборочностью издателя писем: “Дракой нельзя завоевать свободы. Но при тех условиях земной жизни, которые мы все знаем, политические права могут быть добыты только теми, которые не откажутся от употребления насилия” [53, с.14]; или “при рассуждениях о войне тщательно стараются забыть (пацифисты), что человечество, взятое в массе, стоит в болоте, а потому обязательно, дабы выйти на берег, должно пройти болотом” [53, с.113]. Самому Д.А.Хилкову не удалось пройти живым через это “болото” – добровольно отправившись на войну, он погиб на фронте 21 октября 1914 г.

Завершая наш очерк, отметим, что в нем даны лишь основные направления критики феномена толстовства и личности его основателя среди толстовцев; при условии привлечения других источников в рамках более масштабной работы эта схема может быть уточнена и расширена. В заключение нам кажется целесообразным привести и положительный отзыв о толстовцах человека, также увлекавшегося в молодые годы толстовскими идеями, участвовавшего в земледельческой общине у М.А.Новоселова, а впоследствии ставшего известным политическим и общественным деятелем – В.А.Маклакова. “Толстовцы были хорошие, но все-таки единичные люди. Они задавались недостижимой целью – сочетать мир и культуру с учением Христа. ... Судьба мне позволила издали видеть попытку этих толстовцев и наблюдать, как жизнь оказалась сильнее; но в годы исканий настоящей дороги они были ценны моральными требованиями к отдельному человеку и к целому обществу; люди вообще были склонны пренебрегать указаниями собственной совести, то есть тем добром, которое заложено в душе каждого человека, пренебрегать указаниями совести во имя “общего блага” [14, с.79].

1. Булгаков В.Ф. Как прожита жизнь: Воспоминания последнего секретаря Л.Н.Толстого / В.Ф.Булгаков. – М.: Кучково поле, 2012. – 864 с.

2. Варфоломеев Ю.В. Дело “толстовца” В.А. Молочникова (по материалам архивных документов Государственного музея Л.Н.Толстого) / Ю.В.Варфоломеев // Известия Саратовского университета. Т.9. Серия: история, международные отношения. – Саратов, 2009. – Вып. 1. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.sgu.ru/sites/default/files/journals/izvestiya/pdf/2013/12/13/Варфоломеев3.pdf>.

3. Величкина В.М. В голодный год с Львом Толстым. Воспоминания / В.М.Величкина. – М.-Л.: Государственное издательство, 1928. – 145 с.

4. Воробьев И.А. Толстовские колонии в Англии во второй половине 1890-х годов / И.А.Воробьев // Вестник Балтийского федерального университета им. И.Канта. – 2011. – №6. – С.141-146.

5. Гордеева И.А. “Забытые люди”: История российского коммунитарного движения / И.А.Гордеева. – М.: АИРО ХХ, 2003. – 240 с.

6. Гордеева И.А. Самиздат “толстовцев” 1920-х – 1930-х годов / И.А.Гордеева // Acta Samizdatica: Записки о самиздате: альманах. – М.: ГПИБ России – Международный Мемориал – “Звенья”, 2013. – Вып.1(2). – С.199-209.

7. Засловский Д. “Святые вши” / Д.Засловский // Революция и культура. – 1928. – №17. – С.31-34.

8. Калининцева З.В. К вопросу о возникновении толстовства / З.В.Калининцева // XXVII Герценовские чтения. Научный атеизм, этика, эстетика. – Л., 1974. – С.56-63.

9. Канев С.Н. Революция и анархизм / С.Н.Канев. – М.: Мысль, 1987. – 328 с.

10. Кудинов Д.В. Сумские либералы в российском освободительном движении, 1901-1906 гг.: региональное измерение / Д.В.Кудинов. – Сумы: ООО “Печатный дом “Папирус”, 2013. – 160 с.

11. *Кудинов Д.В.* Толстовское движение в Сумском уезде в конце XIX – начале XX веков / Д.В.Кудинов // Труды 5-й международной научной конференции “Актуальные проблемы регионоведения” 28-29 января 2011 г. – Курск, 2011. – С.125-129.
12. *Лучникова Е.А.* Периодические обозрения толстовцев как один из путей распространения идей мирного христианского анархизма на рубеже XIX-XX вв. / Е.А.Лучникова // Вестник МГОУ. Серия: история и политические науки. – 2013. – №3. – С.70-73.
13. *Мазур В.А.* Хожение по мукам князя Дмитрия Александровича Хилкова / В.А.Мазур // Известия Уральского государственного университета. – 2000. – №15. – С.75-95.
14. *Маклаков В.А.* Из воспоминаний. Уроки жизни / В.А.Маклаков. – М.: Московская школа политических исследований, 2011. – 384 с.
15. *Наживин И.Ф.* Собрание сочинений в 8 томах / И.Ф.Наживин. – М.: Зеленая палочка, 1911. – Т.5: Моя исповедь; воспоминания о Л.Н.Толстом. – 1912. – 496 с.
16. *Наживин И.Ф.* Собрание сочинений в 8 томах / И.Ф.Наживин. – М.: Зеленая палочка, 1911. – Т.6: Красные маки: мой дневник. – 1912. – 428 с.
17. *Наумов О.Н.* История рода князей Хилковых / О.Н.Наумов, Б.М.Хилков. – Екатеринбург: Уральское издательство, 2008. – 300 с.
18. Научно-исследовательский отдел рукописей Российской государственной библиотеки им. В.И.Ленина (далее – НИОР РГБ), ф.345, к.26, ед.хр.11: Булыгин М.В. Ответы на анкету редакторского комитета Юбилейного Полного Собрания сочинений, 21 лл.
19. НИОР РГБ, ф.345, к.40, ед.хр.18: Спенглер О. Биография Николая Лукича Озмиздова, 7 лл.
20. НИОР РГБ, ф.345, к.44, ед.хр.22: Материалы об отказе от военной службы Бодянского Александра Михайловича, 4 лл.
21. НИОР РГБ, ф.345, к.55, ед.хр.6: Материалы об отказе от военной службы Хилкова Дмитрия Александровича, 4 лл.
22. НИОР РГБ, ф.345, к.56, ед.хр.4: Ярков И.П. Записки 1912-1915, 36 лл.
23. НИОР РГБ, ф.345, к.68, ед.хр.50: Великанов П.В. Письма к Шохор-Троцкому К.С., 16 лл.
24. НИОР РГБ, ф.369, к.352, ед.хр.32: Трегубов И.М. Письмо к К.П. Победоносцеву, 2 лл.
25. НИОР РГБ, ф.369, к.358, ед.хр.55: Хилков Д.А. Письма к Бонч-Бруевичу В.Д., 1901 март-октябрь, 27 лл.
26. НИОР РГБ, ф.599, к.1, ед.хр.10: Буткевич А.С. Воспоминания о Л.Н. Толстом и о толстовстве, 74 лл.
27. Наше жизнепонимание. С заметкой Л.Н.Толстого. – Воронеж: Истинная Свобода, 1917. – 16 с.
28. *Новоселов М.А.* Открытое письмо графу Толстому от бывшего его единомышленника, по поводу ответа на постановление Святейшего Синода / М.А.Новоселов // Миссионерское обозрение. – 1901. – №6. – С.823-835.
29. *Ольховой Б.* Сильные и слабые стороны в учении Л.Н.Толстого / Б.Ольховой // Революция и культура. – 1928 – №17. – С.5-8.
30. Отдел рукописей Государственного музея истории религии и атеизма, ф.242, оп.1, д.105: Общее дело: литературно-общественный и вегетарианский журнал.
31. *Петухова Т.В.* Коммуны и артели толстовцев в Советской России (октябрь 1917-1929 гг.) / Т.В.Петухова. – Ульяновск: УлГТУ, 2008. – 124 с.
32. Письма М.А.Новоселова к Л.Н.Толстому [публ. Е.С.Полищук] // Минувшее: исторический альманах. – 1994. – Вып.15. – С.371-423.
33. *Пругавин А.С.* Неприемлющие мира. Очерки религиозных исканий. Анархическое течение в русском сектантстве / А.С.Пругавин. – М.: Задруга, 1918. – 182 с.
34. *Путинцев Ф.* О “Толстовствующих” / Ф.Путинцев // Антирационалист. – 1928. – №7. – С.45-59.
35. *Путинцев Ф.* Толстой, толстовство и сектантство / Ф.Путинцев // Революция и культура. – 1928. – №17. – С.17-24.
36. *Рахманов В.В.* Л.Н.Толстой и “толстовство” в конце восьмидесятых и начале девяностых годов / В.В.Рахманов // Минувшие годы. – 1908. – №9. – С.3-33.
37. *Редькина О.Ю.* Толстовцы Нижней Волги в 1917-м – 1930-х годах / О.Ю.Редькина // Стрелец: научный ежегодник. – Вып.4. – Волгоград: ГУ “Издатель”, 2004. – С.317-327.
38. Российский государственный архив литературы и искусства (далее – РГАЛИ), ф.217, оп.1, ед.хр.23: Злинченко К.П. “Мои воспоминания” (“Тридцать лет”) часть 1 и 2 (Вторая редакция), 230 л.
39. РГАЛИ, ф.508, оп.1, ед.хр.240: Алехин М.В.: Мои воспоминания, 36 лл.
40. РГАЛИ, ф.508, оп.1, ед.хр.246: Буткевич А.С. Толстой и толстовство. Воспоминания, 42 лл.
41. РГАЛИ, ф.508, оп.1, ед.хр.269: Попов Е.И. “Моя жизнь” – краткая автобиография, ч.1., 116 лл.
42. РГАЛИ, ф.508, оп.2, ед.хр.58: Безверхий П.Ф. Письма Толстому Льву Николаевичу, 16 лл.
43. РГАЛИ, ф.508, оп.2, ед.хр.69: Дудченко Т.С. Письмо Толстому Льву Николаевичу, 3 лл.
44. РГАЛИ, ф.1115, оп.4, ед.хр.11: Наживин И.Ф. “Автобиография”, “Изгой”, “К моим читателям”, автобиографии, 76 лл.
45. РГАЛИ, ф.2167, оп.1, ед.хр.17: Отчет заседания съезда лиц, сочувствующих устройству общества “на нравственных началах” и др., 27 лл.
46. РГАЛИ, ф.2226, оп.1, ед.хр.162: Булгаков В.Ф. “Черное море. Паломничество”. “Путешествие по берегу Черного моря”. “Общинники и отшельники”. Путевые записи, 461 лл.

47. РГАЛИ, ф.2226, оп.1, ед.хр.1276: Письма сторонников учения Л.Н. Толстого Булгакову В.Ф. с сообщениями о своей жизни и деятельности, просьбами о присылке книг и др. Фамилии корреспондентов на "М-Ш", 57 лл.
48. Г.П. [Татьяна Пытковская] По поводу статей о "толстовцах" / Татьяна Пытковская // Неделя. – 1891. – №47. – С.1502-1506.
49. Толстовское движение: Документы и материалы. – М.: Единство, 1996. – Вып.1. – 128 с.
50. Толстой Л.Н. Полное собрание сочинений в 90 томах / Л.Н.Толстой. – М.: Терра, 1992. – Т.45: Путь жизни, – 1992. – 498 с.
51. Толстой Л.Н. Полное собрание сочинений в 90 томах / Л.Н.Толстой. – М.: Терра, 1992. – Т.75: Письма 1904-1905 (январь-июль) гг. – 1992. – 287 с.
52. Флоровский Г.В. Пути русского богословия / Г.В.Флоровский. – Вильнюс, 1991. – 605 с.
53. Хилков Д.А. Письма князя Дмитрия Александровича Хилкова / Д.А.Хилков. – Сергиев Посад, 1915. – Вып.1. – 123 с.
54. Щербаков В.Н. Толстовская идея революции сознания / В.Н.Щербаков // Советская педагогика. – М., 1990. – №11. – С.140-142.
55. Ярославский Е. О Л.Н.Толстом и "толстовцах" / Е.Ярославский. – М.: Безбожник, 1928. – 22 с.
56. Alston C. Tolstoy And His Disciples: The History Of a Radical International Movement / C.Alston. – London-New York: I.B. Tauris & Co Ltd, 2014. – 309 p.
57. Терзиева М. Поглед върху Българския толстоизъм / М.Терзиева, Н.Иванова, Т.Иванова. – Бургас: Димант, 2003. – 148 с.

References

1. Bulgakov V.F. Kak prozhita zhizn': Vospominaniya poslednego sekretarja L.N.Tolstogo / V.F.Bulgakov. – М.: Kuchkovo pole, 2012. – 864 s.
2. Varfolomeev Ju.V. Delo «tolstovca» V.A. Molochnikova (po materialam arhivnyh dokumentov Gosudarstvennogo muzeja L.N.Tolstogo) / Ju.V.Varfolomeev // Izvestija Saratovskogo universiteta. T.9. Serija: istorija, mezhdunarodnye otnosheniya. – Saratov, 2009. – Вып. 1. – [Elektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: <http://www.sgu.ru/sites/default/files/journals/izvestiya/pdf/2013/12/13/Varfolomeev3.pdf>.
3. Velichkina V.M. V golodnyj god s L'vom Tolstym. Vospominaniya / V.M.Velichkina. – М.-Л.: Gosudarstvennoe izdatel'stvo, 1928. – 145 s.
4. Vorob'ev I.A. Tolstovskie kolonii v Anglii vo vtoroj polovine 1890-h godov / I.A.Vorob'ev // Vestnik Baltijskogo federal'nogo universiteta im. I.Kanta. – 2011. – №6. – S.141-146.
5. Gordeeva I.A. «Zabytye ljudi»: Istorija rossijskogo kommunitarnogo dvizhenija / I.A.Gordeeva. – М.: AIRO HH, 2003. – 240 s.
6. Gordeeva I.A. Samizdat «tolstovcev 1920-h – 1930-h godov / I.A.Gordeeva // Acta Samizdatica: Zapiski o samizdate: al'manah. – М.: GPIB Rossii – Mezhdunarodnyj Memorial – «Zven'ja», 2013. – Вып.1(2). – S.199-209.
7. Zaslavskij D. «Svjatyje vshi» / D.Zaslavskij // Revoljucija i kul'tura. – 1928. – №17. – S.31-34.
8. Kalinicheva Z.V. K voprosu o vozniknovenii tolstovstva / Z.V.Kalinicheva // XXVII Gercenovskie chteniya. Nauchnyj ateizm, jetika, jestetika. – L., 1974. – S.56-63.
9. Kanev S.N. Revoljucija i anarhizm / S.N.Kanev. – М.: Mysl', 1987. – 328 s.
10. Kudinov D.V. Sumskie liberaly v rossijskom osvoboditel'nom dvizhenii, 1901-1906 gg.: regional'noe izmerenie / D.V.Kudinov. – Sumy: OOO «Pechatnyj dom «Papyrus», 2013. – 160 s.
11. Kudinov D.V. Tolstovskoe dvizhenie v Sumskom ueзде v konce XIX – nachale XX vekov / D.V.Kudinov // Trudy 5-j mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii «Aktual'nye problemy regionovedeniya» 28-29 janvarja 2011 g. – Kursk, 2011. – S.125-129.
12. Luchnikova E.A. Periodicheskie obozrenija tolstovcev kak odin iz putej rasprostraneniya idej mirnogo hristianskogo anarhizma na rubezhe XIX-XX vv. / E.A.Luchnikova // Vestnik MGOU. Serija: istorija i politicheskie nauki. – 2013. – №3. – S.70-73.
13. Mazur V.A. Hozhdenie po mukam knjazja Dmitrija Aleksandroviča Hilкова / V.A.Mazur // Izvestija Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. – 2000. – №15. – S.75-95.
14. Maklakov V.A. Iz vospominanij. Uroki zhizni / V.A.Maklakov. – М.: Moskovskaja shkola politicheskikh issledovanij, 2011. – 384 s.
15. Nazhivin I.F. Sobraie sochinenij v 8 tomah / I.F.Nazhivin. – М.: Zelenaja palochka, 1911. – Т.5: Moja ispoved'; vospominaniya o L.N.Tolstom. – 1912. – 496 s.
16. Nazhivin I.F. Sobraie sochinenij v 8 tomah / I.F.Nazhivin. – М.: Zelenaja palochka, 1911. – Т.6: Krasnye maki: moj dnevnik. – 1912. – 428 s.
17. Naumov O.N. Istorija roda knjazej Hilkovykh / O.N.Naumov, B.M.Hilkov. – Ekaterinburg: Ural'skoe izdatel'stvo, 2008. – 300 s.
18. Nauchno-issledovatel'skij otdel rukopisej Rossijskoj gosudarstvennoj biblioteki im. V.I.Lenina (dalee – NIOR RGB), f.345, k.26, ed.hr.11: Bulygin M.V. Otvety na anketu redaktorskogo komiteta Jubilejnogo Polnogo Sobranija sochinenij, 21 ll.
19. NIOR RGB, f.345, k.40, ed.hr.18: Spengler O. Biografija Nikolaja Lukicha Ozmidova, 7 ll.
20. NIOR RGB, f.345, k.44, ed.hr.22: Materialy ob otkaze ot voennoj sluzhby Bodjanskogo Aleksandra Mihajlovicha, 4 ll.

21. NIOR RGB, f.345, k.55, ed.hr.6: Materialy ob otkaze ot voennoj sluzhby Hilкова Dmitrija Aleksandrovicha, 4 ll.
22. NIOR RGB, f.345, k.56, ed.hr.4: Jarkov I.P. Zapiski 1912-1915, 36 ll.
23. NIOR RGB, f.345, k.68, ed.hr.50: Velikanov P.V. Pis'ma k Shohor-Trockomu K.S., 16 ll.
24. NIOR RGB, f.369, k.352, ed.hr.32: Tregubov I.M. Pis'mo k K.P. Pobedonoscevu, 2 ll.
25. NIOR RGB, f.369, k.358, ed.hr.55: Hilkov D.A. Pis'ma k Bonch-Bruevichu V.D., 1901 mart-oktjabr', 27 ll.
26. NIOR RGB, f.599, k.1, ed.hr.10: Butkevich A.S. Vospominanija o L.N. Tolstom i o tolstovstve, 74 ll.
27. Nashe zhizneponimanie. S zametkoj L.N.Tolstogo. – Voronezh: Istinnaja Svoboda, 1917. – 16 s.
28. Novoselov M.A. Otkrytoe pis'mo grafu Tolstomu ot byvshego ego edinomyshlennika, po povodu otveta na postanovlenie Svjatejshego Sinoda / M.A.Novoselov // Missionerskoe obozrenie. – 1901. – №6. – S.823-835.
29. Ol'hovoj B. Sil'nye i slabye storony v uchenii L.N.Tolstogo / B.Ol'hovoj // Revoljucija i kul'tura. – 1928 – №17. – S.5-8.
30. Otdel rukopisej Gosudarstvennogo muzeja istorii religii i ateizma, f.242, op.1, d.105: Obshee delo: literaturno-obshhestvennyj i vegetarianskij zhurnal.
31. Petuhova T.V. Kommuny i arteli tolstovcev v Sovetskoj Rossii (oktjabr' 1917-1929 gg.) / T.V.Petuhova. – Ul'janovsk: UIGTU, 2008. – 124 s.
32. Pis'ma M.A. Novoselova k L.N.Tolstomu [publ. E.S.Polishhuk] // Minuvshee: istoricheskij al'manah. – 1994. – Vyp.15. – S.371-423.
33. Prugavin A.S. Nepriemljushhie mira. Oчерki religioznych iskanij. Anarhicheskoe techenie v russkom sektantstve / A.S.Prugavin. – M.: Zadruga, 1918. – 182 s.
34. Putincev F. O «Tolstovstvujushhij» / F.Putincev // Antireligioznik. – 1928. – №7. – S.45-59.
35. Putincev F. Tolstoj, tolstovstvo i sektantstvo / F.Putincev // Revoljucija i kul'tura. – 1928. – №17. – S.17-24.
36. Rahmanov V.V. L.N.Tolstoj i «tolstovstvo» v konce vos'midesjatyh i nachale devjanostykh godov / V.V.Rahmanov // Minuvshie gody. – 1908. – №9. – S.3-33.
37. Red'kina O.Ju. Tolstovcy Nizhnej Volgi v 1917-m – 1930-h godah / O.Ju.Red'kina // Strezhen': nauchnyj ezhegodnik. – Vyp.4. – Volgograd: GU «Izdatel'», 2004. – S.317-327.
38. Rossijskij gosudarstvennyj arhiv literatury i iskusstva (dalee – RGALI), f.217, op.1, ed.hr.23: Zlinchenko K.P. «Moi vospominanija» («Tridcat' let») chast' 1 i 2 (Vtoraja redakcija), 230 l.
39. RGALI, f.508, op.1, ed.hr.240: Alehin M.V.: Moi vospominanija, 36 ll.
40. RGALI, f.508, op.1, ed.hr.246: Butkevich A.S. Tolstoj i tolstovstvo. Vospominanija, 42 ll.
41. RGALI, f.508, op.1, ed.hr.269: Popov E.I. «Moja zhizn'» – kratkaja avtobiografija, ch. 1., 116 ll.
42. RGALI, f.508, op.2, ed.hr.58: Bezverhij P.F. Pis'ma Tolstomu L'vu Nikolaevichu, 16 ll.
43. RGALI, f.508, op.2, ed.hr.69: Dudchenko T.S. Pis'mo Tolstomu L'vu Nikolaevichu, 3 ll.
44. RGALI, f.1115, op.4, ed.hr.11: Nazhivin I.F. «Avtobiografija», «Izgoj», «K moim chitateljam», avtobiografii, 76 ll.
45. RGALI, f.2167, op.1, ed.hr.17: Otchet zasedanija s#ezda lic, sochuvstvujushhij ustrojstvu obshhestva «na нравstvennyh nachalah» i dr., 27 ll.
46. RGALI, f.2226, op.1, ed.hr.162: Bulgakov V.F. «Chernoje more. Palomnichestvo». «Puteshestvie po beregu Chernogo morja». «Obshhinniki i otshel'niki». Putevyje zapisi, 461 ll.
47. RGALI, f.2226, op.1, ed.hr.1276: Pis'ma storonnikov uchenija L.N. Tolstogo Bulgakovu V.F. s soobshhenijami o svoej zhizni i dejatel'nosti, pros'bami o prisylke knig i dr. Familii korrespondentov na «M-Sh», 57 ll.
48. T.P. [Tat'jana Pytkovskaja] Po povodu statej o «tolstovcah» / Tat'jana Pytkovskaja // Nedelja. – 1891. – №47. – S.1502-1506.
49. Tolstovskoe dvizhenie: Dokumenty i materialy. – M.: Edinstvo, 1996. – Vyp.1. – 128 s.
50. Tolstoj L.N. Polnoe sobranie sochinenij v 90 tomah / L.N.Tolstoj. – M.: Terra, 1992. – T.45: Put' zhizni, – 1992. – 498 s.
51. Tolstoj L.N. Polnoe sobranie sochinenij v 90 tomah / L.N.Tolstoj. – M.: Terra, 1992. – T.75: Pis'ma 1904-1905 (janvar' - ijul') gg. – 1992. – 287 s.
52. Florovskij G.V. Puti russkogo bogoslovija / G.V.Florovskij. – Vil'njus, 1991. – 605 s.
53. Hilkov D.A. Pis'ma knjazja Dmitrija Aleksandrovicha Hilкова / D.A.Hilkov. – Sergiev Posad, 1915. – Vyp.1. – 123 s.
54. Shherbakov V.N. Tolstovskaja ideja revoljucii soznanija / V.N.Shherbakov // Sovetskaja pedagogika. – M., 1990. – №11. – S.140-142.
55. Jaroslavskij E. O L.N.Tolstom i «tolstovcah» / E.Jaroslavskij. – M.: Bezbozhnik, 1928. – 22 s.
56. Alston C. Tolstoy And His Disciples: The History Of a Radical International Movement / C.Alston. – London-New York: I.B.Tauris & Co Ltd, 2014. – 309 p.
57. Terzieva M. Pogled v#rhu B#lgarskija tolstoiz#m / M.Terzieva, N.Ivanova, T.Ivanova. – Burgas: Dimant, 2003. – 148 s.